ФЕНОМЕН ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА: ЕГО РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.Б. ЛИПСКИЙ

Для понимания того, в чем заключается феномен постмодерна, прежде всего, для западной культуры, необходимо выделить то новое, что дала культура постмодерна современному обществу. Новым здесь, по мнению, например, Ж.-Ф. Лиотара, которого относят к основателям постмодернистской философии, является смена принципов оценки реальности, вызванная, в свою очередь, глобальным разочарованием в существовавших ранее формах общественного поведения. Практически все предшествующие концепции при попытках их реализации проявляли в самих себе неразрешимые противоречия, разрушительные конфликты.

В результате обнаружилось, что произвольное построение разного рода «универсальных» проектов идеальных форм общественного устройства, при переходе из теоретической сферы в область практической реализации, может иметь для человечества непредсказуемые по разрушительности последствия. Наблюдается решительный отказ от некой «абсолютной истины» по причине не только пагубности такой логики, но и попросту по причине невозможности однозначного обоснования подобных истин. Происходит осознание необходимости уточнения границ свободы, переоценки сложившейся системы казавшихся незыблемыми ценностей и осмысления многовариантности базовых этических определений.

Ситуация постмодерна — этап европейской культуры, получивший свое развитие во второй половине XX в. и занявший доминирующие позиции в социокультурной сфере жизни западного общества, а впоследствии — и ряда восточных стран. Во многом постмодерн сформировался в качестве ответа на вопрос, что делать после осознания того, что модерн, на который возлагались надежды по преобразованию мира, так и не спас человечество от катаклизмов середины века. «Я помню, что почувствовал первый из своих больших страхов, когда канцлер Дольфус был убит нацистами, кажется, в 1934 году. Сейчас все это далеко от нас, но я отчетливо помню, как был тогда потрясен. Думаю, что это был мой первый истинный ужас, относящийся к смерти. Помню беженцев из Испании. Я думаю о мальчиках и девочках моего поколения, чье детство определялось этими историческими событиями. Угроза войны была нашим горизонтом, нашей формой существования... Наша частная жизнь все время была под угрозой. Может быть, поэтому я заинтересовался историей и отношением между личным опытом и теми событиями, очевидцами которых мы

становимся», — признается в интервью один из наиболее известных философов-постмодернистов XX в. Мишель Фуко¹. «После Освенцима никакая вера в метанарративы уже невозможна: постсовременность открывается этим чудовищным преступлением», — констатирует другой постмодернистский философ Ж.Ф. Лиотар в ответ на вопрос «Что такое постмодерн?»² Таким образом, постмодерн явился следствием кризиса казавшихся навсегда найденными в эпоху модерна новых ценностей, а вернее, нового подхода к ценностям, и, соответственно, возникла необходимость в переосмыслении — смысловом, семантическом — понятия ценности в новых исторических, социокультурных условиях. Как оказалось, в эпоху модерна происходит не отказ от предшествующего ему понятийного аппарата, а дополнение его новыми самодостаточными легализованными категориями: реализму противостоит ирреализм, содержательности — формализм, массовости — элитарность. Стремление достичь табуированных прежде крайностей, как в теории, так и на практике, не помогает в решении существующих социально-культурных проблем своего времени, а в чем-то их даже усугубляет.

Термин «постмодернизм» в значении реакции на ситуацию модерна используется уже в 1934 г. литературоведом Ф. де Онисом в книге «Антология испанской и латиноамериканской поэзии». Однако только после Второй мировой войны меняется исходное направление новоевропейской парадигмы восприятия культуры. В 1947 г. в работе «Постижение истории» Арнольд Тойнби придает постмодерну культурологический смысл: постмодерн символизирует конец западного господства в религии и культуре. Однако исторически сложилось так, что постмодерн становится феноменом переосмыслившей себя заново западной культуры. Популярность термин «постмодерн» обрел благодаря Чарльзу Дженксу. В книге «Язык архитектуры постмодернизма»³ он отмечал, что хотя само это слово и применялось в американской литературной критике 60 — 70-х гг. для обозначения ультрамодернистских литературных экспериментов, автор придал ему принципиально иной смысл. Постмодерн означал отход от экстремизма и нигилизма неоавангарда, частичный возврат к традициям, акцент на коммуникативной, межличностной роли взаимоотношений. В этом значении постмодерн как новая культурная эпоха и получил свое дальнейшее развитие. Лиотар сформулировал отношение постмодерна к модерну так: «Постмодерн определяет свое положение не после модерна, а в оппозиции к нему. Он был уже заключен в последнем, но только скрыт»⁴.

Логическую основу постмодернистского дискурса можно видеть в работах австрийского и британского философа Карла Поппера, который еще в 1930-х гг. вводит понятие критического рационализма, принципы которого перекликаются с основными выводами постмо-

дернистской философии Умберто Эко и Жана Лиотара. Ключевым понятием критического рационализма становится фальсифицируемость (потенциальная опровержимость). Критический рационализм придерживается мнения, что научные теории могут и должны рационально критиковаться, и если они имеют эмпирическое содержание, то должны быть подвергнуты эксперименту, который может опровергнуть их. «Теория есть то, что наш рассудок пытается предписать природе, однако последняя часто этого не допускает... поэтому то, что создается нашим рассудком, есть, по сути, не теория, а гипотеза», — отмечает Карл Поппер в работе «Иммануил Кант — философ Просвещения»⁵. Перефразируя Альберта Эйнштейна, Поппер делает следующий вывод: «Поскольку предложения науки касаются реальности, они не достоверны, и поскольку они достоверны, они не касаются реальности»⁶. Таким образом, происходит развитие и логическое оформление понимания относительности всех происходящих в мире процессов. И не только в точных науках. Уже после Второй мировой войны выходит работа Карла Поппера «Открытое общество и его враги», в которой он использует методологический аппарат своих ранних работ в сфере социогуманитарной проблематики. Его идеи 1930-х гг. о невозможности существования абсолютных теорий и истин подтверждаются менее чем через десятилетие. Здесь осознается не только иллюзорность таких абсолютных «теорий всего», но и риски, связанные с их реализацией на практике. Подобному критическому анализу позже подвергает предшествовавшие идеологические системы Лиотар: «...мы считаем постмодерном недоверие в отношении метарассказов. Оно является, конечно, результатом прогресса науки; но и прогресс, в свою очередь, предполагает это недоверие»⁷. Ранее мера истинности суждения в области гуманитарного или естественнонаучного знания определялась мерой его «вписанности» в господствующий в конкретный момент метанарратив, «великую идею», и наоборот, решительное откидывалось все то, что этой идее не соответствовало. Постмодерн — это призыв отказаться от «великих идей» (метанарративов) и обратить внимание на все то, что не учитывалось ранее в погоне за новыми идеалами, которых, как оказалось, просто не существует. В качестве примеров метанарративов на различных этапах человеческой истории можно указать на метанарратив раннего христианства, понятие прогресса эпохи Просвещения, включающее неограниченное расширение знания, диалектику Абсолютного Духа у Гегеля, неизбежный переход человека из царства необходимости в царство свободы у Маркса. Постмодерн, сменив модерн, приносит с собой недоверие, подозрение к метанарративу как легитимирующему фактору, что выразилось в кризисе метафизической философии. Происходит отказ от доминантной роли в сфере упорядочения человеческого знания универсальных устойчивых языковых

комбинаций, используемых, например, в структурализме и теории систем, осуществляется переход к прагматике языковых частиц их контекстуальности и постоянной контекстуальной осмысленности. Меняется и технология производства смысла человеческого в человеке, она освобождается от универсальных метанарративов. Осмысление современности постмодернистскими теоретиками культуры как постсовременности наиболее полно прояснено в работе Лиотара: «Постсовременное состояние» (1979), а также в его письме «Заметка о смыслах “пост”», которое вошло в его книгу «Постмодерн в изложении для детей» (1982). Лиотар обращал внимание на следующее: «Нельзя согласиться с мнением, что в случае постмодерна... речь идет о простой преемственности, какой-то диахронической последовательности периодов... “Пост” в таком случае обозначает нечто вроде конверсии: какое-то новое направление сменяет предшествующее. Однако эта идея линейной хронологии всецело “современна”. Она присуща одновременно христианству, картезианству, якобинству: раз мы начинаем нечто совершенно новое, значит, надлежит перевести стрелки часов на нулевую отметку. Сама идея такой современности теснейшим образом соотнесена с принципом возможности и необходимости разрыва с традицией и установления какого-то абсолютно нового образа жизни или мышления. Сегодня мы начинаем подозревать, что подобный “разрыв” предполагает не преодоление прошлого, а, скорее, его забвение или подавление, иначе говоря — повторение»⁸. Таким образом, наступает понимание того, что решение проблемы наиболее приемлемого социального сосуществования не только отдельных людей, но и целых народов, не может быть устремлено ни к некому традиционалистскому идеалу «великого прошлого», ни в некое «светлое будущее» в отрыве от текущего исторического опыта. «Постмодернизм — это ответ модернизму: раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить, иронично, без наивности», — пишет в «Заметках на полях “Имени Розы”» Умберто Эко⁹. «Постмодерн есть собственно радикальный модерн этого столетия, он наступил после Нового времени. Именно отходом от него и его последующих форм определяет себя “постмодерн”», — пишет в работе, посвященной постмодерну, В.М. Дианова¹⁰.

В англоязычной литературе эта эпоха однозначно интерпретируется как эпоха иронии, время отказа от некой *Истины* и сочетания опыта прошлого с опытом поиска настоящего времени с целью ответа на существующие вопросы и вызовы и именуется «деконструирующим постмодерном», подразумевая существование и другого — «конструирующего постмодерна». Такое разделение, на наш взгляд, более верно отражает специфику того явления, которое в российских исследованиях получило определение «пост-постмодерна». Перед

нами сегодня тот же постмодерн, но уже в его второй стадии. Как и в любом полноценном новаторстве, претендующем на изменение существующего миропорядка, постмодерн, отрицая идеалы прошлого, должен создавать и собственные идеалы. С этими созидательными идеалами как раз больше всего вопросов, поскольку здесь нет единого определения. Исследуя опыт российских теоретиков и практиков современного искусства, можно попытаться определить общую схему наступающего культурного периода — периода «конструирующего постмодерна».

На сегодняшний день, в качестве «деконструирующего», постмодерн свою миссию, надо полагать, уже выполнил. Претензия на субъективно постулируемый абсолют, равно как и отрицание ценностей классического гуманизма, в развитых странах становится чем-то заслуженно маргинальным, уходя в область преимущественно религиозных и политических организаций, занимающих радикальные утопические позиции, желающих свести не только искусство, но и общество к некой «окончательно истинной» после- или до- революционной идеологии, в чем обнаруживается их удивительное сходство, несмотря на формально абсолютно разные подходы.

Однако на нынешнем этапе постмодерн вполне заслуженно подвергается критике как проект, требующий пересмотра в сторону выработки *созидательного* начала. «Бесконечные манипуляции смыслами исключают искренность, лишают искусство очень важного терапевтического эффекта»¹¹, — верно замечает в одном из интервью известный российский художественный теоретик и практик Марина Колдобская. Именно такие точные замечания, равно как и конструктивная критика, позволяют определить ключевые проблемы не только в сфере искусства, но и в сфере общественной жизни, помочь сориентироваться социальному направлению в современном искусстве с целью соответствия его заявлений актуальным проблемам страны и мира. «Зоной уязвимости остается тотальная вторичность: бесконечное обращение к авангарду, к 1968 году, к Флюксусу и пр. Таков, в самом общем плане, первый пласт критики истеблишмента contemporary — цивилизованный и даже бесполезный в теоретическом плане, и вполне безобидный в плане практическом... Словом, если дискурс зажигают, это кому-то нужно», — отмечает заведующий отделом современного искусства при Русском музее Александр Боровский¹².

Стоит, тем не менее, признать, что постмодерн оказал существенное влияние и на смену культурных границ. Если в начале XX в. было распространено мнение, что противостояние проходит по границе «Востока» и «Запада» то в современном мире эти границы стираются. Многие восточные страны стали «открытыми обществами». Теперь граница проходит скорее между обществами с идеологией меньшего и

большого насилия, между обществами «открытыми» и «закрытыми», с явно выраженным экономическим и этическим превосходством первых над вторыми. И чем больше будет этот разрыв, тем сильнее будет напряжение. Это можно определить как проблему, встающую перед новым, а скорее — обновляющимся культурным вектором, проблему, с которой эпоха «конструирующего постмодерна» будет вынуждена столкнуться и которую не сможет игнорировать. *Действительность* в философии постмодерна, несмотря на общий условный характер этого дискурса, все же присутствует. Она отталкивается от существовавшего события или какого-либо иного действия, осмысляя и часто переосмысляя его.

Однако проблемы есть и их нельзя отрицать. Очень точный анализ проблем эпохи деконструирующего постмодерна приводит в заключительной части работы «Русский литературный постмодернизм» Вячеслав Курицын: «Мягкий постмодернистский тезис о том, что вертикаль это горизонталь, что все культуры равноправны и равнокачественны, независимо от исторической традиции, экономической успешности и количественности, привел к террору меньшинств. Учебные программы американских университетов пересматриваются так, чтобы в их содержании не доминировали белые здоровые мужчины. Часы, отведенные, скажем, Льву Толстому делятся на пять частей: одну часть оставляют Толстому, остальные раздают «несправедливо неизвестным» классикам разных племен, цветов кожи и сексуальных ориентаций. Кроме того, теории политкорректности способны снижать и уровень самого “теоретического рынка”. Так случилось, скажем, с феминистским движением, которое сплошь и рядом порождает вполне слабую и скучную теорию, слабую литературу, слабое искусство. Главная ценность этого движения в том, что оно “правильное”... издержки политкорректности способны вызывать в современной культуре резкое отторжение»¹³. Надоела ирония: «Лет десять, даже пять назад ирония была универсальным языком для описания любых политических коллизий. Сейчас безотказное это средство все чаще дает сбой», — пишет один из главных критических «иронистов» последнего десятилетия Александр Тимофеевский в статье, которая так и называется: «Конец иронии»¹⁴. Раньше безотказность обеспечивалась именно универсальностью: универсальностью тоталитарного культурного пространства, в котором «иронисты» выстраивали свои деконструкторские фигуры. Благодаря не в последнюю очередь именно их деятельности, универсальное пространство распалось на сотни локальных; и речь идет уже не о том, чтобы иронизировать по поводу всеобщего, а о том, чтобы выбрать «подходящую» его часть. Постмодернистский интеллект, справедливо полагавший окружающий макроконтекст симулякром, был вынужден делать себя содержанием текста в грубой форме: романы о том,

как пишутся романы, что в итоге обернулось сущим самоедством, синдромом «тусовки». Символом эпохи представляется история с британскими коровами, заболевшими недугом Кронцефельда-Якоба, после того как их стали кормить мукой, сделанной из останков других коров. Концептуалистский тезис: «Современное искусство — то искусство, что анализирует собственный язык» — кажется сегодня вполне анахроническим. Рефлексия не имеет предела, поскольку постмодернист не имеет оппонента. Смысл незамыкаем, и каждый законченный текст, каждое высказывание есть насилие над смыслом, заслон интерпретации, террористическое усекновение семантической бесконечности. Чтобы замкнуть смысл, нужен враг или конкурент. «У постмодерниста, смешивающего жанры, нет конкурентов: он готов признать и оправдать все, что угодно. Но есть еще одна ситуация, в которой замыкается смысл: если он принадлежит тебе самому, ты всегда найдешь возможность завершить высказывание. Бесконечен бесхозный постмодернистский смысл. Мертв текучий виртуальный постмодернистский Автор. Но жив автор, который расписывается в ведомости, который осознал свои частные и классовые интересы, который замыкает свой смысл в жанр, чтобы выставить его на рынок. Жанры могут находиться в состоянии рыночной конкуренции, как разные товары»¹⁵.

На сегодняшний день задача постмодерна, равно как и его продолжений, видится в необходимости продемонстрировать то, за счет чего он претендует на существование в качестве доминирующего дискурса. А именно — то самое критическое переосмысление — но теперь уже не только предшествующих эпох, но и себя самого, исключительно с целью самосовершенствования и недопущения ошибок прошлого, чтобы не стать очередным «метанарративом».

Так что же такое тогда пост-постмодерн? Согласно одной из версий, в классификационном плане пост-постмодерн наследует постмодерну и трактуется как один из этапов эпохи «постмодерности» (М. Эпштейн), конец «героического» периода постмодерна и перехода к «мирной жизни» (В. Курицын) — все это свидетельство исчерпанности, усталости постмодернизма. Можно говорить о том, что в пост-постмодерне искусство и культура становятся не только критикующими и иронизирующими, но и само-критикующими и само-иронизирующими, прежде всего, с целью собственного улучшения и собственной деидеологизации и, соответственно, неповторения ошибок модерна. Происходит и формирование нового этического субъекта — человека, мыслящего контекстно, для которого нормы и основные этические категории рассматриваются через призму гуманизма, а интеллектуально-логическое отношение к окружающему миру, в целом, делает невозможным их семантико-смысловую интерпретацию, противоречащую этим целям. Можно отметить в западной

культуре выдвигание философии светского гуманизма на доминирующую позицию, которую раньше занимала деконструирующая постмодернистская культура, не потерявшая своей актуальности, но явно недостаточная для руководства к дальнейшему действию, прежде всего, по причине отсутствия такой цели в принципе. «Середина XX столетия войдет в историю мировой культуры как начало нового этапа ее развития, суть которого... следует считать переходом от модернизма... к грядущему типу культуры еще неизвестному нам в содержании и в конкретных формах, но предчувствуемому все более остро как необходимому способу самосохранения человечества, возможности его выживания на нашей планете»¹⁶, — эти слова принадлежат не европейскому, а российскому философу М.С. Кагану, обозначившему этой фразой последнюю главу своей работы «Философия культуры», посвященную современному состоянию культуры.

Еще одна характерная черта — переход от постмодернистской интертекстуальности к пост-постмодернистскому стиранию границ между текстом и реальностью. Происходит это как в буквальном (компьютерная квазиреальность), так и в переносном смысле. В целом же слияние деконструкции и конструирования представляет собой тот самый дополняющий сам себя «деконструирующий» и «конструирующий» постмодерн, который позволяет уйти от нагромождения приставок «пост» и рассматривать новый этап развития постмодерна как новый виток развития мировой культуры с учетом предыдущих, в том числе своих собственных, противоречий. Именно в таком ракурсе рассматривает постмодерн Марк Липовецкий: «Поразительным образом... суждения о “конце постмодернизма” рассматривают постмодернизм как особого рода авангард, устремленный к тотальному контролю над всем культурным пространством. Как авангард, декларирующий радикальную новизну и тайно, под покровом критики утопических дискуссий, создающий собственную утопию “всепрития”... исчерпав потенциал шоковых эффектов». Однако, отмечает исследователь, это могло создать «условия для того, чтобы на первый план выдвинулся эвристический аспект постмодернизма, рождающийся... из логики взрывных априорий. На новой стадии развития постмодернизма эта логика раскрывает свои возможности не только в качестве метода критики трансцендентальных означаемых, но и в качестве инструмента построения внетрансцендентных, ориентированных по отношению к пустому центру, смысловых конфигураций и философских стратегий»¹⁷. Это наполнение пустого центра и представляется как создание нового гуманистически-обоснованного дискурса, нового мировоззрения, нового метода познания, метода решения социокультурных проблем современности, взамен раскритикованных и отвергнутых или переосмысленных предыдущих.

Поскольку задачи постмодерна на новом этапе его развития смещаются в сторону созидания нового, иронии как «деконструирующему» элементу классического постмодерна следует занять место *одного из...* Одновременно не стоит игнорировать и вызовы современности. Таким вызовом в современном мире, на наш взгляд, является, например, попытка метанарративов взять свой реванш: прежде всего, в развивающихся странах, где наблюдается рост одобрения идеологий и идеологов, целью которых является провозглашение старых-новых «вечных истин» при помощи реализуемого или предполагаемого насилия по отношению к другим цивилизационным моделям, а рост демонстративного неприятия гуманистических ценностей нагнетается нередко при активной государственной поддержке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Великие мыслители. Мишель Фуко. – URL: <http://bibliotekar.ru/filosofia/100.htm>

² *Лиотар Ж.Ф.* Ответ на вопрос: Что такое постмодерн? // Ad Marginem ' 93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. – М., 1994. С. 305.

³ *Дженкс Ч.* Язык архитектуры постмодернизма. – М., 1985.

⁴ Цит. по: *Дианова В.М.* Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. – СПб., 2000. – URL: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/425/66425/38586?p_page=19

⁵ *Поннер К.* Иммануил Кант – философ просвещения // Все люди – философы. – М., 2009. С. 63.

⁶ Там же.

⁷ *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. – М.; СПб., 1998. С. 12.

⁸ *Лиотар Ж.-Ф.* Заметки о смыслах «пост» // Иностранная литература. 1994. № 2. С. 56 – 59.

⁹ *Эко У.* Заметки на полях «Имени Розы». – URL: <http://tululu.ru/read8034/16/>

¹⁰ *Дианова В.М.* Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб., 2000.

¹¹ *Пиликин Д.* Марина Колдобская и другие // Guelman.ru: современное искусство в сети. 1998. – URL: <http://www.guelman.ru/dva/para24.html>

¹² *Боровский А.Д.* Александр Боровский об активизме в искусстве // Rupo.ru: Русский портрет. 2001. – URL: http://rupo.ru/m/2399/aleksandr_borowskiy_ob_aktiwizme_w_iskusstwe.html

¹³ *Курицын В.Н.* Русский литературный постмодернизм // Guelman.ru: современное искусство в сети. 1998. – URL: <http://www.guelman.ru/slava/postmod/index.html>

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Каган М.С.* Философия культуры. – СПб., 1996. С. 383.

¹⁷ *Липовецкий М.* Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в культуре 1920 – 2000-х годов. – М., 2008. С. 462.

REFERENCES

Borowskiy A.D. Aleksandr Borowskiy about the activism in art. *Rupo.ru: Russkij portret. 2001.* Available at: http://rupo.ru/m/2399/aleksandr_borowskiy_ob_aktiwizme_w_iskusstwe.html (in Russian).

Dianova V.M. The post-modern philosophy of art: origins and modernity. Saint Peterburg, 2000. Available at: http://anthropology.ru/ru/texts/dianova/ppa_1_5.html#n21 (in Russian). 240 p.

Eco U. Note a margine «Il Nome della Rosa».

- Available at: <http://tululu.ru/read8034/16/>. (Trad. In russian). 16 p.
- Jencks A. The language of Post-Modern architecture (trad. in Russian by Ryabushin A.). Moscow, 1985. 136 p.
- Kagan M.S. Philosophy of Culture. Saint Petersburg, 1996 (in Russian). 415 p.
- Kuritsyn V.N. Russian literary Postmodernism. *Guelman.ru: sovremennoe iskusstvo v seti*. 1998. Available at: <http://www.guelman.ru/slava/postmod/index.html> (in Russian). 288 p.
- Lipovetskij M. Paralogs. Transformation (post) modernist discourse in culture 1920-2000s. Moscow, 2008 (in Russian). 269 p.
- Lyotard J.-F. Reponse a la question: Qu'est ce que le postmoderne? // Critique. - Para, 1982. - N. 37/419. (trad. in Russian by A. Garadja). PP. 357-367.
- Lyotard J.-F. L'état de la postmodernité (trad. in Russian by N. Shmatko). Moscow, Saint Petersburg, 1998. 160 p.
- Lyotard J.-F. Notes sur le sens d'un «post». (trad. in Russian by A. Garadja). *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature]. 1994. No 1. P. 54-66.
- Pilikin D. Marina Koldobskaya and others. *Guelman.ru: sovremennoe iskusstvo v seti*. 1998. Available at: Elektronnyj resurs: <http://www.guelman.ru/dva/para24.html> (in Russian).
- Popper K. Immanuel Kant als Philosoph der Aufklärung (trad. in Russian by I. Shiskov). *All people – philosophers*. Moscow, 2009. 104 p.
- Great thinkers. Michel Foucault. Available at: <http://bibliotekar.ru/filosofia/100.htm> (in Russian).

Аннотация

До сих пор существует лишь ряд разрозненных мнений, определяющих постмодерн по абсолютно разным признакам, что при повседневном использовании этого термина представляет сложности его интерпретации. Культура постмодерна нуждается сегодня в большем уточнении, которое может быть достигнуто путем постмодернистского критического переосмысления самого проекта постмодерна, в более точном определении его границ, определении творческого и культурного влияния и потенциала.

Ключевые слова: постмодерн, культура, деконструкция, гуманизм.

Summary

So far there are only a lot of disparate opinions defining postmodernism on completely different properties. In daily use of the term it makes complexity of interpretations. Today postmodern culture needs clarification, which can be achieved by postmodern critical rethinking of postmodernism project, more precise definition of its boundaries, its creative and cultural potential and effect.

Keywords: postmodern, culture, deconstruction, humanism.